

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ЕЕ ПОНИМАНИЯ

Рассматриваются вопросы, связанные с проблемами понимания культур. Содержание взаимодействия представлено в механизме диалога культур. В свою очередь, феномен понимания невозможен без рассмотрения вопросов, связанных с определением понятия «ценность».

Ключевые слова: диалог; коммуникация; ценность; культура.

Понимание особенностей взаимодействия культур сопряжено с важнейшей проблемой культурологии – аксиологической составляющей диалога культур. Взаимодействие возможно, с одной стороны, в случае нахождения подобного в другой культуре, с другой стороны – наличие различий мотивирует интерес к чужой культуре.

Прежде всего следует отметить, что импульсом к взаимодействию оказывается не сходство или сближение, а различие. При этом наблюдается следующая особенность: если диалог возможен при различии культур, то понимание только при наличии и обнаружении сходства. Можно назвать лишь две возможные побудительные причины, вызывающие интерес к какой-либо вещи или идее и желание ее приобрести или освоить: 1) нужно, ибо понятно, знакомо, вписывается в известные мне представления и ценности; 2) нужно, ибо не понятно, не знакомо, не вписывается в известные мне представления и ценности. Первое можно определить как «поиски своего», второе – как «поиски чужого».

Диалогический характер культуры – один из существенных ее признаков. Культура не может существовать вне диалога. Ю.М. Лотман в своих работах рассматривал механизм диалога как способ ее существования: «...культура как часть истории человечества, с одной стороны, и среды обитания людей, с другой, находится в постоянных контактах с вне ее расположенным миром и испытывает его воздействие. Это воздействие определяет динамику и темпы ее изменений» [1. С. 54]. Диалог осуществляется не только в сознании и во времени, но и в онтологическом и географическом пространствах культуры. Бытие культуры определяется «диалогом» природного и человеческого, сущего и должного, структуры и хаоса.

Первой чертой всякого диалога является попеременная активность передающего и принимающего. В то время, когда один из участников диалога осуществляет передачу некоторых текстов, другой соблюдает паузу и находится на приеме. Второй чертой является выработка общего языка общения. Процесс этот делится на этапы. Сначала наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего, причем память на этом этапе фиксирует также тексты на чужом, непонятном языке (например, усвоение ребенком, погруженным в иноязычную среду, новой лексики или накопление в книгохранилищах некоторой молодой культуры текстов, поступающих из транслирующего их культурного центра). Следующим этапом является овладение чужим языком и свободное им пользование, усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых.

Затем наступает критический момент: чужая традиция коренным образом трансформируется на основе

исконного семиотического субстрата «принимающего». Чужое становится своим, трансформируясь и часто коренным образом меняя свой облик. В этот момент роли могут меняться: принимающий становится передающим, а первый участник диалога переходит на прием, впитывая поток текстов, текущий уже в обратном направлении.

То, что диалог культур сопровождается нарастающим неприязни принимающего к тому, кто над ним доминирует, и острой борьбой за духовную независимость, – важная типологическая черта, и мы еще будем иметь возможность к ней вернуться.

Среди других типологических черт культурного диалога важно отметить, что отношение диалогического партнерства в принципе асимметрично. В начале диалога доминирующая сторона, приписывая себе центральную позицию в культурной ойкумене, навязывает принимающим положение периферии. Эта модель усваивается ими, и они сами себя оценивают подобным образом (одновременно приписывая себе признаки новизны, молодости, позицию «начинающих»). Однако по мере приближения к кульминационному моменту «новая» культура начинает утверждать свою «древность» и претендовать на центральную позицию в культурном мире. Не менее существенно, что, переходя из состояния принимающего в позицию передающего, культура, как правило, выбрасывает значительно большее число текстов, чем то, что она впитала в прошлом, и резко расширяет пространство своего воздействия.

В этом отношении инвариантна такая схема: передающая сторона занимает доминирующую позицию в диалоге по праву некоторого ценного культурного опыта, исторически ею накопленного или полученного в свою очередь от каких-либо других партнеров в предшествующих контактах. Тогда диалогическая ситуация потенциально может получать двойную интерпретацию. С точки зрения передающего, он транслирует свое богатство и принципиально не делает отличия между авторитетностью передаваемых им текстов и своим собственным авторитетом в реальных исторических, политических и житейских ситуациях. С точки зрения принимающего, передающий может рассматриваться как временный – и часто недостойный – хранитель доставшихся ему духовных ценностей. В этом случае высокая оценка получаемых текстов не только не противоречит, а подразумевает низкую оценку тех, от кого они получены. А сам факт получения рассматривается как обретение идеями их подлинно достойного места.

Диалогичность культуры – необходимое условие для ее понимания. Именно в диалоге, через диалог культура обнаруживает себя. Процесс понимания другой культуры – это всегда ее вопрошание. Смысл, об-

наруживающийся при вопрошании, зависит от умения находить ответы из условий познавательной свободы вопрошавшего. Здесь смысл выступает как культурологическая категория. Эта промежуточная сущность, находящаяся между миром переживаемых феноменов и миром их инобытийственных семиотических эквивалентов. Смысл динамичен. Организуясь в завершённые ноуменальные структуры, смыслы опредмечиваются, застывая в конечных и единичных формах, образующих предметное тело культуры и отправной пункт для дальнейшего смыслообразования. Такое понимание смысла разводит культурологию с семиотикой. Другая культура не молчит, она являет нам знаки своего бытия, но раскрытие содержания этих знаков всегда зависит от вопросов, которые задает культуре исследователь. Для того чтобы стал возможен диалог между исследователем и культурой, необходимо «поле для диалога». Его составляющими могут выступать: совокупности процедур мыслительной деятельности, закреплённые в особых стилистических мышления (рационализм, феноменология), стили искусства, традиции, совокупности нормативно-ценностных установок и т.д. При этом следует учитывать, что понимание – всегда столкновение «привычного» и «непривычного». Тут важно уметь помыслить «иное», т.е. «отстраниться» от привычного. Кроме того, здесь ещё осуществляется «соотнесение», фиксация на территории стиля, времени и способов познания. Под стилем здесь понимается «поле» познавательного и творческого диалога в культуре. Стиль образует поле коммуникации, где люди одной культуры воплощают свое духовное единство, передают друг другу технологические приемы делания, творения и понимания друг друга.

Рассматривая феномен диалога культур, мы с неизбежностью обращаемся к понятию «ценность». Понимание неосуществимо без акта оценки, «безоценочное понимание невозможно, нельзя разделить понимание и оценку: они одновременны и составляют единый целостный акт» [2. С. 366].

Ценности, определяющие структуру культуры, определяют и условия взаимодействия культур, диалога. Ценность характеризует измерение общественного сознания, являясь лично окрашенным отношением к миру, которое возникает на основе не только знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека. Ценности в культуре семиотируют пространство человеческой жизни, наделяя все элементы в нем ценностной значимостью; задают системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; определяют сложные многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывают смыслы. Любая культура имеет определенную нормативно-ценностную систему, которая реализуется и воссоздается в деятельности людей. В этом плане понимание культуры представляет собой осознание программ социальной деятельности в определенной эпохе.

Нормы поведения создаются на основе ценностных ориентаций, в рамках которых вырабатываются установки на деятельность человека. «Язык, искусство, миф, религия не являются изолированными, случайными творениями. Они переплетаются общей связью. Но эта связь не есть субстанциальная связь, как она

понималась и описывалась схоластической мыслью; скорее это функциональная связь. Базисную функцию речи, мифа, искусства, религии мы должны искать за их бесчисленными формами и выражениями, и, в конечном счете, мы должны стремиться проследить их вплоть до их источника» [3. С. 99]. «Все человеческие деяния совершаются в определенных исторических и социологических условиях. Но мы никогда не поймем этих условий, пока не сумеем уловить общие структурные принципы, лежащие в основании этих деяний. В нашем исследовании языка, искусства и мифологии проблема значения первична по отношению к проблеме исторического развития. Структурное видение культуры должно предшествовать просто историческому видению», отмечал в своей работе Э. Кассирер [3. С. 100]. В конечном счете должна быть определена та отличительная черта, универсальная характеристика, в которой все они (миф, искусство, религия, наука) придут к согласию. Разные формы человеческой культуры соединяются не тождественностью их природы, но согласованностью их фундаментальных задач, сохранения и развития культуры. Если равновесие человеческой культуры и существует, то оно может быть только динамическим, а не статическим, – оно является результатом борьбы противоположных сил.

Можем добавить, что ценность – это отношение, которое включает в себя способность человека к целенаправленному, смысловому отражению бытия. Такое определение ценности поглощает в себе понятие нормы, которая есть результат этого отношения. А понятие ценности скорее тяготеет не к целеполаганию, а смыслополаганию. Согласно М. Шелеру, «сама “иерархия ценностей” есть нечто абсолютное неизменное, в то время как “правила предпочтения”, возникающие в истории, принципиально переменны» [4. С. 306]. Суть различия культур составляют не различия самих ценностей, а системы оценки феноменов культуры.

Большое количество наблюдений и исследований в области межкультурной коммуникации позволяет сделать вывод, что ее содержание и результаты во многом зависят от господствующих в культуре ценностей, норм поведения, установок и т.д. Вопрос, который здесь возникает, – это вопрос об общечеловеческих ценностях. К ценностям современной эпохи относят частную собственность, свободу выбора, предпринимательство, престиж творческой деятельности [5. С. 336].

Ценности сами по определению являются предельными основаниями суждений и действий. Ценности логически не выводятся. Тем не менее принятие индивидом или сообществом некоторой ценности всегда имеет основания, но не логические, а реальные, которые поэтому лучше назвать опорами.

Ценность может опираться на этнокультурную традицию, на авторитет власти или патриархальных отношений, на мистический опыт, предание, церковную традицию, на собственные желания, интересы, «здоровый смысл», на идеологические стереотипы сознания, рационально выбранную позицию и т.д. «Принцип множественности опор оправдывает наличие целой гаммы источников, питающих ценностное сознание. Это уже упомянутые этнокультурные традиции, авторитеты, религиозные символы, утилитарные интересы

и гедонистические желания» [6. С. 102]. Кроме того, сами ценности служат опорами друг для друга: «...множественность опор имеет не только характер возможности, но и характер необходимости. Устоявшаяся в культуре ценность всегда имеет не одну, а целый набор опор: в национальном характере, в духовной традиции, в способе социальной жизни и т.п.» [6. С. 102].

Культура, находясь во взаимодействии с другой культурой, имеет дело не с ней, а с ее идеальным образом. Характерным примером могут служить этнографические описания европейцами «экзотических» культур [1. С. 117], или о Западе судили, глядя на западников. Но русский западник был очень мало похож на реального человека Запада своей эпохи и, как правило, очень плохо знал Запад: он конструировал его по контрасту с наблюдаемой им русской действительностью. Это был идеальный, а не реальный Запад.

Отмечено, что обмен культурными ценностями идет по следующему механизму: в существующую систему ценностей, обладающую большой неопределенностью, приходит другая ценностная конструкция. Такое вторжение резко повышает внутреннюю неопределенность всей системы, придавая скачкообразную неожиданность ее следующему этапу. Поскольку культура – самоорганизующаяся система, на метаструктурном уровне она постоянно описывает самое себя и это приводит к жесткой переупорядоченности того, что в глубинной

толще получило излишнюю неопределенность, с реальной тканью культуры как таковой.

Поэтому преломление смыслов в передаваемом объясняется не только существующими различиями в системах языка, но и различиями в системах ценностей каждой из культур. Важной типологической чертой диалога культур является нарастание неприязни принимающего к тому, кто над ним доминирует, и острой борьбой за духовную независимость. Это, в частности, доказывает, что внешнее вторжение играет роль дестабилизатора и катализатора, приводя в движение силы местной культуры, а не подменяя их.

Реальный исторический процесс образуется многими факторами. Типологические формы схождения и диалогов культур составляют лишь один из них. Законы социального развития, религиозные особенности, вплоть до индивидуальных характеров участников событий, избавляют историческое движение от автоматизма и придают ему непредсказуемый характер. Поэтому типологические модели повторяются, никогда не повторяясь, т.е. повторяются лишь на определенном уровне абстракции, отмечает Ю.М. Лотман.

И в заключение остается добавить, что чем больше сходства во взаимодействующих культурах, тем более важное значение придается ничтожным проявлениям противоположности между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. // Александра. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Прима-Пресс, 1992. С. 480.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Прим. С.С. Аверенцева, С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. С. 424.
3. *Кассирер Э.* Опыт о человеке // Человек. 1990. № 3. С. 93–105.
4. *Шелер М.* Избранные произведения / Пер. с нем., сост., науч. ред. и предисл. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 413.
5. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. М.: Владос, 1994. С. 336.
6. *Розов Н.С.* Конструктивная аксиология и этика ценностного сознания // Философия и общество. 1999. № 5. С. 92–119.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 2 марта 2009 г.